

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-212–230

ПОГРЕБЕНИЕ С ДВУМЯ ПОДБОЯМИ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА (РАСКОПКИ 2022 Г.)

Т.В. Егорова¹, Г.С. Чебышев²

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

² *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ *E-mail: tvegorova@yandex.ru* ² *E-mail: chebyshev.george0480@gmail.com*

¹ *ORCID: 0000-0002-8479-0518* ² *ORCID: 0009-0002-0105-0272*

В 2022 г. в ходе работ Совместной экспедиции истфака МГУ им. М.В. Ломоносова и ИИМО ЮФУ на северном участке некрополя Танаиса было открыто погребение с коллективным захоронением № 8. Оно отличается уникальной для региона междуречья Сала и Маныча конструкцией в виде двухкамерного подбоя с параллельно расположенными камерами, ориентированными по линии запад-восток. Судя по инвентарю, погребение датируется второй половиной (возможно, конец) II – началом III вв. н.э. Типологически близкие погребения в регионе известны лишь на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. Учитывая искусственную деформацию черепов большей части погребенных, их можно отнести к сармато-аланскому населению Танаиса первых веков н.э.

Ключевые слова: классическая археология, Танаис, некрополь, сарматы, аланы, погребальная конструкция

Раскопки грунтового и курганного некрополя Танаиса продолжаются уже более 170 лет, а систематические исследования – с 1955 г. За это время выявлено более 3000 погребальных комплексов разных эпох¹. Значительное их число относится ко времени расцвета города во второй половине II – середине III в. н.э. Наиболее выразительные захоронения этого периода с различными типами погребальных конструкций зафиксированы при спасательных работах 2005–2014 гг., что позволило С.И. Безуглову и С.М. Ильяшенко поднять вопрос о культурно-историческом облике социальной элиты Танаиса этого времени, отмечая характерные для нее яркие позднесарматские традиции, а также непосредственное присутствие кочев-

Данные об авторах: Татьяна Валерьевна Егорова – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Георгий Сергеевич Чебышев – аспирант отдела классической археологии ИА РАН.

¹ Арсеньева и др. 2001; Вдовченков, Ильяшенко 2016, 157.

ников в городской среде². В этой связи особый интерес представляет погребение № 8, открытое в 2022 г. в ходе работ Совместной экспедиции исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ИИМО ЮФУ, проводившихся на северном участке могильника в 200 м к СЗ от СЗ угла цитадели города (рис. 1).

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Конструкция погребения подбойного типа, двухкамерная, что необычно для танаисского некрополя, ориентирована длинными осями по линии З–В. Подбои, вырытые в материке, располагались к северу и югу от входной камеры по ее длинным сторонам. Первоначально было выявлено аморфное пятно, размерами 2,5 x 3,10 м. Оно сформировалось в результате слияния выброса из входной ямы, образовавшегося в процессе вторичного подзахоронения в северную погребальную камеру, выброса из грабительской ямы, повредившей ее же южную часть, и верха более поздней могилы, перекрывшей южный подбой (рис. 2, 3). Входная камера, длиной 2,30 м, шириной около 0,90 м, имела удлиненно-прямоугольную в плане форму, отвесные стенки, закругленные углы и ровное дно. На основную глубину, составляющую 1,30 м от уровня выявленного пятна, она была выкопана в материке, только верхняя часть в серо-желтом предматериковом суглинке. Полы подбоев были ниже ее дна менее чем на 0,10 м, отчетливых ступенек не зафиксировано. Высота сводов подбоев располагалась на одном уровне – около 0,7 м. Ширина всей погребальной конструкции – 3,1 м.

1. Южная погребальная камера (№ 8.1)

Камера южного подбоя имела подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами, размерами 2,20 x 0,95 м. Вход был заложен однофасным каменным закладом, высотой в три ряда (до 0,35 м). Кладка иррегулярная, верхние камни со временем завалились внутрь (рис. 3). В камере обнаружено четыре погребенных (женщина и трое детей), положенных в деревянные гробы, от которых сохранились ислевшие доски крышек, дна и стенок, высотой до 0,20 м, а также однотипные железные гвозди с квадратным в сечении стержнем и шляпкой округлоуплощенной формы.

Молодая женщина 15–19 лет (погр. 8.1.1) лежала ближе к входу в северной части подбоя со смещением к западу, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Лицевая часть головы повернута на юг. Руки расположены вдоль туловища, обе кисти заведены на бедра; ноги вытянуты, сведены вместе. Отмечается искусственная деформация черепа, лопатообразность верхних резцов, поротический гиперостоз орбит, эмалевая гипоплазия, а также тупая травма левой теменной кости³. Сохранность древесных остатков (рис. 4, в) позволяет реконструировать форму и размеры гроба: подтрапециевидный, шириной ок. 0,40 м в изножье и 0,50 м в изголовье, длиной ок. 1,80 м. На часть досок крышки гроба впоследствии сместился каменный заклад.

В ЮЗ секторе к югу от женщины у южной стенки подбоя зафиксировано погребение ребенка 3–5 лет (погр. 8.1.4) в почти полностью ислевшем гробу в

² Безуглов, Ильяшенко 2016, 181–186.

³ Все антропологические определения сделаны к.б.н., с.н.с. Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника Е.Ф. Батиевой.

Рис. 1. Расположение раскопа XXXV на северном участке некрополя Танаиса. Фото Д.С. Бунина

Fig. 1. Location of excavation XXXV in the northern section of the Tanais necropolis. Photo by D.S. Bunin

скорченной позе на правой части тела, головой на восток. Антропологические особенности аналогичны первому индивиду: искусственная деформация черепа, лопатообразность верхних резцов и поротический гиперостоз орбит.

В ЮВ секторе у южной стенки погребальной камеры к востоку от погр. 8.1.4 находилось захоронение ребенка 2–4 лет (погр. 8.1.2), покоившегося вытянуто на правой части тела, головой на восток. Кости плохой сохранности, череп сильно фрагментирован, отсутствует значительная часть костей грудной клетки, кости рук, таза и левой ноги. Тем не менее, фиксируется искусственная деформация черепа и поротический гиперостоз орбит. От гроба сохранился лишь фрагмент истлевшей деревянной доски длиной ок. 0.40 м. и шириной 0.20 м.

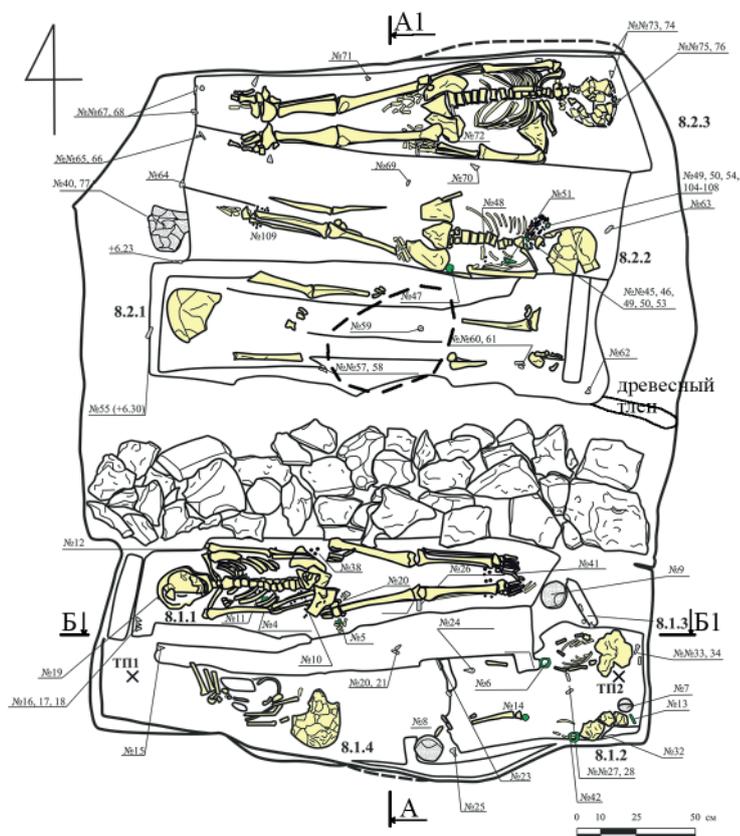
К северу от этого погребенного, между ним и ногами женщины на дне гроба, от которого остались только пятна тлена, в вытянутой позе на спине, головой на восток лежал младенец до года (погр. 8.1.3). Сохранность костей не позволяет судить о наличии или отсутствии деформаций, характерных для остальных индивидов.

Погребальный инвентарь. Наиболее обширный и разнообразный погребальный инвентарь зафиксирован в женском захоронении (погр. 8.1.1): 1) вокруг шейных позвонков погребенной лежала бронзовая гладкая круглая в сечении гривна с петлевидным замком: один конец в виде крючка, второй образует петельку (рис. 5,

Рис. 2. Погребение 8. Вид сверху. Контуром отмечена нижняя часть грабительской ямы
 Fig. 2. Burial 8. Top view

1); 2) с левой стороны от черепа обнаружен фрагмент серебряной кольцевидной серьги с несомкнутыми концами, диаметром до 1,8 см (рис. 5, 2); 3) на груди находилась бронзовая лучковая подвижная фибула длиной 7,1 см (рис. 5, 3); 4) на ребрах возле правой лопатки лежало бронзовое зеркало-подвеска, диаметром 4,0 см, с боковым ушком и орнаментом в виде свастики (рис. 5, 4); 5) на безымянный палец правой руки надет бронзовый перстень с овальной сердоликовой вставкой с изображением Фортуны/Тюхе с рогом изобилия и корабельным рулем (см. ниже). Шинка расширяется к вставке, ее внешняя поверхность декорирована орнаментом в виде рельефных удлиненных листьев с насечками у основания (рис. 5, 5); 6) в ногах (к ЮЗ от правой стопы) располагалась краснолаковая чаша с туловом усечено-конической формы и вертикальным бортиком. Диаметр венчика 10,5 см, высота 6,2 см (рис. 5, 6); 6) бусы и бисер: а) рядом с гривной в районе шейных позвонков зафиксирована низка бисера (170 шт.) светло-зеленого прозрачного стекла коротко-цилиндрической формы. Диаметр бусин до 25 мм, высота – до 2 мм (рис. 6, 10); б) снизу от грудины, а также вокруг правого предплечья найдены цилиндрические гагатовые бусы. Высота сохранившихся 8/9 мм, диа-

№15-34, 55-76 - гвозди жел.	№12 - бусина	№50 - бусы сердолик
№3 - фибула бронз.	№13 - трубочка бронз.	№51 - фибула бронз.
№4 - зеркало бронз.	№14 - вставка смальта	№53 - бусы фаянс
№5 - перстень бронз.	№38, 41 - бисер	№54, 107, 108 - подвески бронзовые с
№6, 42 - браслеты бронз.	№40 - лепной горшок	стеклянными вставками
№7 - миска кр.л.	№45 - подвеска бронз.	№104 - бусы стекл.
№8 - миска кр.л.	№46 - подвеска бронз.	уплощенные
№9 - миска кр.л.	№47 - зеркало бронз.	№105 - бусы гагат
№10 - бусы гагат	№48 - бусы гагатовые	№106 - вставка стеклянная
№11 - бусины гагат	№49 - бусы копьевидные	№109 - бисер
		№77 - ножницы жел.

Рис. 3. План погребения 8

Fig. 3. Burial 8 plan

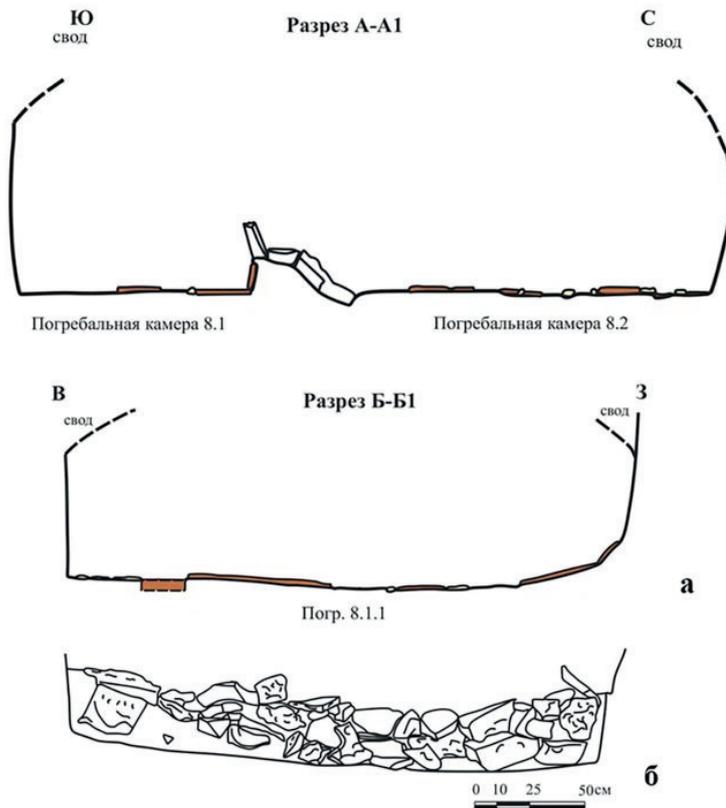

Рис. 4. Разрезы погребальных камер (а); каменный заклад южной погребальной камеры, северный (внешний) фас (б); южная погребальная камера с каменным закладом, вид сверху (в)
Fig. 4. Sections of burial chambers (a); stone foundation of the southern burial chamber, northern (outer) face (b); southern burial chamber with stone foundation, top view (c)

метр 8–10 мм (рис. 5, 7); в) в районе кисти левой руки и щиколоток обеих ног выявлен бисер светло-коричневого стекла округло-уплощенной формы (16 и 118 шт., соответственно). Диаметр до 3 мм, высота – до 1 мм (рис. 6, 9).

Из трех детских погребений самый многочисленный инвентарь сопровождал ребенка 2–4 лет (погр. 8.1.2): 1) в ногах была установлена краснолаковая чаша с туловом усечено-конической формы и вертикальным бортиком. Диаметр венчика 12 см, высота 6,5 см (рис. 5, 8); 2) к СВ от головы – миниатюрная краснолаковая полусферическая миска с плоским дном без поддона. Диаметр 6,5 см, высота 3,9 см (рис. 5, 9); 3) в ЮВ углу погребения над головой лежала бронзовая пронизь, длиной 5,2 см, диаметром 8 мм. Пронизь скручена в один слой, не сомкнута (рис. 5, 10); 4) у правой ноги – округлая в плане вставка из смальты, диаметром 2,6 см (рис. 5, 11); 5) на левое предплечье надет бронзовый кольцевидный браслет, изготовленный из гладкой, овальной в сечении проволоки. Концы заходящие, несомкнутые. Диаметр 4 см (рис. 5, 12);

б) под костями обнаружен астрагал.

Старшему ребенку (погр. 8.1.3) принадлежал только бронзовый кольцевидный браслет, сделанный из гладкой, округлой в сечении проволоки, с несомкнутыми заходящими («завязанными») концами. Диаметр 4 см (рис. 5, 13). В погребении младенца (п. 8.1.4) инвентарь отсутствовал.

2. Северная погребальная камера (№8.2).

Северный подбой также имел подпрямоугольную в плане форму и скругленные углы, но чуть бóльшие размеры: длина – 2,35 м, ширина – 1,25 м. Расширение произошло, вероятно, за счет присоединения на втором этапе части входной камеры. Он был закрыт деревянным закладом, доски от которого, развернутые наружу, зафиксированы только в его восточной части. Очевидно, первоначально сюда было помещено два погребенных, оба головами на восток, в деревянных гробах, аналогичных описанному выше. Мужчина 30–35 лет лежал в глубине у северной стенки погребальной камеры в вытянутом положении на спине (погр. 8.2.3). Лицевая часть головы повернута на юг; руки вытянуты вдоль туловища, правая кисть на бедре, левая заведена под бедро; ноги вытянуты, сведены вместе. К югу от него лежала женщина 25–30 лет (погр. 8.2.2) в сходной позе. Сохранность костей позволила Е.Ф. Батиевой только предположить возможную искусственную деформацию черепов, а также выявить у мужчины лопатообразность верхних резцов.

Вероятно, чуть позже, но через непродолжительное время, в южную часть северной погребальной камеры подзахоронили еще одного человека – мужчину 35–45 лет (погр. 8.2.1), для чего разобрали деревянный заклад. О такой последовательности свидетельствует и размещение гроба относительно двух других: его северная сторона перекрывала южную часть погр. 8.2.2, западная граница была смещена на запад на ок. 20 см. Кроме того, при его установке, вероятно, упал лепной горшок, стоявший в ногах женского погребения. Мужчина был положен в гроб вытянуто на спине головой на запад. В центр этого захоронения попал грабительский шурф, результатом чего стало сильное повреждение средней части скелета. По сохранившимся остаткам Е.Ф. Батиева допустила наличие искусственной деформации черепа, выявила плохое состояние зубов (зубной камень и кариес) и деформирующий спондилез.

Рис. 5. Находки из южной погребальной камеры
Fig. 5. Finds from the southern burial chamber

Рис. 6. Находки из северной и южной погребальных камер
 Fig. 6. Finds from the northern and southern burial chambers

Погребальный инвентарь. Здесь наиболее многочисленный материал также принадлежал женщине (погр. 8.2.2): 1) между левой подвздошной костью и левым предплечьем лежало бронзовое зеркало-подвеска с боковым ушком подпрямоугольной формы. Диаметр 4 см. Внешняя поверхность декорирована двумя валиками с радиальным орнаментом. Внутри образованного валиками пространства изображены лучи с завитками (рис. 6, 1); 2) над левой частью грудной клетки располагалась бронзовая лучковая подвязная фибула, аналогичная описанной выше, но чуть меньшего размера (длина 5,8 см) (рис. 6, 2); 3) к западу от ног вне гроба находится лепной горшок. Диаметр венчика 9 см, дна – 6 см, высота сосуда 16 см (рис. 6, 3). Внутри обнаружены три фрагмента железных пружинных ножниц, общей длиной ок. 19 см, длина лезвия 8,5 см, типологически близкие ножницам из погр. 168, 523 и др. западного некрополя Танаиса, но большего размера⁴ (рис. 6, 4); 4) подвески, бусы и бисер: а) в районе шейных позвонков под нижней челюстью найдено ожерелье, состоявшее из шести стеклянных подвесок в бронзовой оправе разной степени сохранности в сочетании со стеклянными и гагатовыми бусинами (рис. 7, 1–8). Одна из подвесок ожерелья выполнена из прозрачного желтоватого стекла (рис. 7, 1), остальные – из прозрачного стекла глубокого синего цвета (рис. 7, 2–4). Сохранившиеся части оправы – округлые, каст декорирован рифлением. У трех подвесок от оправы сохранились только следы. Судя по расположению, в состав ожерелья, очевидно, также входили 8 округло-уплощенных бусин непрозрачного стекла (рис. 7, 5), 4 из которых – черного, 4 – синего цвета⁵, 18 цилиндрических и 23 копьевидные (рис. 7, 6, 7) гагатовые бусины⁶. Здесь же зафиксирована низка из 26 сердоликовых четырнадцатигранных бусин разного размера и одна сердоликовая уплощенная вытянутая пронизь в форме параллелепипеда со срезанными длинными гранями⁷ (рис. 7, 8), а также единичные бусины и пронизи других типов: две перламутровые уплощенные и одна цилиндрическая пронизи⁸ (рис. 7, 9); стеклянная биконическая бусина светло-коричневого непрозрачного стекла⁹ (рис. 7, 10); две фрагментированные округлые полихромные стеклянные бусины красного непрозрачного стекла с розетковым орнаментом, спаянным из бирюзового, желтого и черного стекла¹⁰ (рис. 6, 8); три округлые в сечении пронизи непрозрачного красного стекла¹¹ (рис. 6, 7); б) у голеностопов обеих ног выявлены две низки бус: 25 округлых бусин светло-зеленого прозрачного стекла (рис. 6, 5) и 27 округлых бусин черного непрозрачного стекла (рис. 6, 6).

Мужские захоронения (погр. 8.2.3 и 8.2.1) были безинвентарными.

АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ И ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСА

Обнаруженные в погр. 8.1.1 и 8.2.2 лучковые подвязные одночленные проволочные фибулы относятся к серии I варианта 4 формы I, по классификации

⁴ Беспалый 2023, 96, табл. 102, 4; 276, 308, 5.

⁵ Алексеева 1978, 68, табл. 33. Тип 71–76.

⁶ Алексеева 1978, 12, 19, табл. 20, 21. Тип 9а и 107а.

⁷ Алексеева 1982, 18, табл. 39. Тип 15 и 196.

⁸ Алексеева 1982. Табл. 43, 24. Тип 6.

⁹ Алексеева 1978, 68, табл. 33, 27. Тип 88–96.

¹⁰ Алексеева 1978, 55, табл. 27, 104. Тип 378.

¹¹ Алексеева 1978, 67, табл. 33, 14. Тип 57.

Рис. 7. Находки из северной погребальной камеры
 Fig. 7. Finds from the northern burial chamber

В.В. Кропотова, который отмечает, что фибулы именно этой серии являются самыми многочисленными, значительно превосходя суммарное количество других¹². Вариант 4 выделяется большим изгибом дужки, а также расширяющейся книзу ножкой и сплошной или фигурной обмоткой¹³. Традиционно они датируются концом II – началом или первой половиной III в. н. э. и довольно часто встречаются в Танаисе и его округе¹⁴.

Гривны, по форме аналогичные находке из погр. 8.1.1, В.Ю. Кононов выделяет в I вариант IV типа стержневидных гривен, указывая, что в меотских могильниках Кубани их находят в комплексах второй половины I – II вв. н.э.¹⁵ Чуть более широкую датировку (до середины III в. н.э.) предлагает А.А. Стоянова по материалам памятников Крыма сарматского времени¹⁶.

Отдельного внимания заслуживает бронзовый перстень с геммой, на которой изображена Фортуна/Тюхе с корабельным рулем и рогом изобилия, из того же захоронения. Сюжет относится к одним из самых распространенных в Северном Причерноморье в первые века н.э. Подобные находки встречались в погребении второй половины II – первой половины III вв. н.э. в могильнике Нижне-Гниловского городища¹⁷, погр. 223 второй четверти – середины II в. н.э. могильника Бельбек IV¹⁸, в погребении некрополя Горгиппии конца II – первой половины III вв. н.э.¹⁹ В последнем случае интересно отметить, что в том же комплексе зафиксирована медная лучковая фибула с фигурной обмоткой варианта 4 серии I²⁰. Несколько гемм с аналогичными изображениями были обнаружены при раскопках некрополя Мцхеты-Самтавро в центральной Грузии²¹. Бронзовый перстень с похожим сюжетом происходит из подбойной могилы III в. н.э., расположенной на территории совхоза «Севастопольский» близ Инкермана²². Фортуна (или Афина) показана на нем в шлеме и длинном хитоне, подпоясанном под грудь. У ног богини расположен предмет, который можно трактовать как корабельный руль. Близкая по технике изготовления инталия в кованом серебряном перстне хранится в собрании ГЭ, куда поступила в 2000 г. из частной коллекции²³. По словам продавца, перстень был найден в Крыму, однако не стоит исключать его происхождение из любой другой области Северного Причерноморья. Авторы публикации предполагают, что изначальная вставка в перстень была утеряна и для фиксации новой (с Фортуной/Тюхе) в гнездо между оправой и сердоликом была добавлена золотая полоса. Обращая внимание на технику резьбы с примитивным обозначением деталей грубыми широкими врезами, а носа и губ короткими штрихами, характерную для одного из стилей глиптики эпохи империи (chin-mouth-nose), исследователи да-

¹² Кропотов 2010, 68.

¹³ Кропотов 2010, 76–80, рис. 37, 5.

¹⁴ Кропотов 2010, 80; Арсеньева 1977, табл. XXXIV, 4; Арсеньева и др. 2001, 206, табл. 29, 420; Беспалый 2023, т.2, 546.

¹⁵ Кононов 2023, 23-26.

¹⁶ Стоянова 2011, 118. Тип 5а.

¹⁷ Информация предоставлена С.М. Ильяшенко.

¹⁸ Гущина, Журавлев 2016, 168, 169, табл. 245; Неверов 2016, 198.

¹⁹ Новичихин 2009, 111, рис. 1, 8; 112, рис. 2, 4.

²⁰ Амброз 1966, 51, табл. 9, 2.

²¹ Максимова 1950, 256, табл. II, 43; 260, табл. II, 56.

²² Щербакова 1980, 98, рис. 3, 9.

²³ Арсентьева, Горская 2019, 141, рис. 156.

тируют гемму II–III вв. н.э. Можно предположить, что публикуемый перстень, и вставка в него были изготовлены в одной из боспорских мастерских²⁴. Принимая во внимание имеющиеся аналогии, его стоит датировать второй половиной II – первой половиной III вв. н. э.

Два бронзовых зеркала-подвески из погр. 8.1.1 и 8.2.2 относятся к IX типу, по типологии А.М. Хазанова, предложившего для него широкую дату – II–III вв. н.э.²⁵ При всей схожести, они имеют определенные отличия. Зеркало из погр. 8.1.1 украшено двумя валиками и плавно завернутыми влево лучами, выходящими из центра. Прямых аналогий нет и, при всей «типичности», сложно соотнести его с определенным вариантом классификации А.А. Труфанова, детально разработанной им для памятников Крымской Скифии²⁶. С одной стороны, форма зеркала, петельки и внешний контур декора отсылают нас к варианту 6-Б, который в то же время имеет существенное отличие в заполнении центральной части. Большинство таких зеркал найдены в погребениях конца II – первой половины III вв. н.э.²⁷ Наиболее близкие параллели центральной части орнамента зафиксированы на зеркале из погр. 88 Битакского могильника, датированного первой половиной II в. н.э. и условно отнесенного А.А. Труфановым к «ранним» вариантам²⁸. Сходные, но не идентичные экземпляры происходят из погребений северного участка некрополя Танаиса II–III вв. н.э.²⁹

Орнаментальная схема зеркала из погр. 8.2.2 имеет существенные отличия: лучи с завитками на концах, выходящие из центра обрамлены радиально-лучевым орнаментом, вписанным в валики. По классификации А.А. Труфанова, изделия с аналогичным декором центральной части относятся к варианту 7, хронологические рамки которого он определяет в первой половине III в. н.э.³⁰ В то же время, подобная окантовка более характерна для варианта 3-Б, преимущественно датируемого первой половиной II – началом III вв. н.э.³¹ На данный момент не удалось обнаружить других зеркал с аналогичным сочетанием элементов. Надо полагать, что тенденции в орнаментации зеркал среди населения Крымской Скифии могут развиваться по абсолютно иному пути, чем в Танаисе и его округе, поэтому определенного рода закономерности не могут быть определяющими факторами при уточнении датировки конкретного предмета.

Примерно в те же хронологические рамки, с некоторым смещением акцента на начальный этап, укладываются найденные керамические сосуды. Две краснолаковые чаши формы 30.3 (понтийская сигиллата А) находят в погребениях с широкой датой II – III вв. н.э., но наибольшее распространение они получили во второй и третьей четверти II в. н.э.³² Краснолаковые миски формы 20 происходят из комплексов последней четверти II – начала III в. н.э.³³ Аналогичный лепной

²⁴ Неверов 1983, 118.

²⁵ Хазанов 1963, 67.

²⁶ Труфанов 2007, 174–186.

²⁷ Труфанов 2007, 178.

²⁸ Труфанов 2007, 175.

²⁹ Арсеньева 1977, 121, табл. XXXVIII/1.

³⁰ Труфанов 2007, 179.

³¹ Труфанов 2007, 177.

³² Журавлев 2010, 60, табл. 27, 207.

³³ Журавлев 2010, 56, табл. 25, 176.

горшок был обнаружен в погр. 173 некрополя Танаиса, датированном Т.М. Арсеньевой I – началом II в. н.э.³⁴

Бусы и подвески характерны, главным образом, для погребальных комплексов первых веков н.э. Основная масса составных элементов ожерелья относятся Е.М. Алексеевой к I и II вв.³⁵, в то время как две подвески в бронзовой оправе, аналогичные нашим, были найдены и в позднесарматских женских погребениях второй половины II – первой половины III вв. н.э. в Лебедевском могильнике в Южном Приуралье³⁶ и в одном из захоронений танаисского некрополя синхронного времени.

Таким образом, можно предположить, что первоначальное погребение было совершено во второй половине (конце) II – начале III в. н.э., возможно, чуть позднее, а повторное вскрытие могилы и подзахоронение через непродолжительный промежуток времени после первого.

Края отдельных частей платьев женщин были обшиты бисером и бусами по схеме, традиционной для женских сарматских костюмов I в. до н.э. – III в. н.э.³⁷ У погребенной в южной камере зафиксирована обшивка в один ряд стеклянным бисером светло-зеленого цвета на вороте, бисером непрозрачного стекла светло-коричневого цвета – на левом рукаве и подоле платья на уровне щиколоток; правый рукав был оторочен гагатовыми бусами. У погребенной в северной камере был обшит только низкий подол, но в два ряда мелкими бусинами светло-зеленого прозрачного и черного непрозрачного стекла.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Пожалуй, главный интерес публикуемого комплекса представляет его конструкция – двухкамерный подбой. Подобные погребальные сооружения абсолютно нехарактерны для некрополя Танаиса не только римского времени, но и всего периода его существования. На данный момент известно четыре конструктивно близких захоронения, датируемые эпохой эллинизма и одно, предположительно, рубежом эр³⁸. Д.Б. Шелов полагал, что подбойные могилы в I–III вв. н.э. имеют явное сарматское происхождение³⁹. Их же считают одной из ярких черт позднесарматского времени⁴⁰. Однако двухкамерные погребения в этот период не характерны не только для Танаиса, но и для всего Нижнего Подонья. Из сарматских могильников соседних территорий (бассейна Салы и Маныча) в научный оборот введено всего 10 подобных могил, в подавляющем большинстве они относятся к раннесарматскому времени (I в. до н.э. – I в. н.э.) и рассматриваются исследователями как редкий тип погребальных сооружений⁴¹. Отметим, что в них отсутствует какая-либо конструкционная система: обе подбойные камеры в одной

³⁴ Арсеньева 1977, 63, табл. XV, 2.

³⁵ Алексеева 1978, 12, 19, 68.

³⁶ Малашев, Кривошеев 2022, 33, рис. 8, 14, 15.

³⁷ Яценко 1987, 166–176; Яценко 2016, 215.

³⁸ Беспальный 2023, 270, 271, табл. 303 (п. 518); 187, 188, табл. 209 (п. 361); 178, 179, табл. 195 (п. 345); 132, 133, табл. 141 (п. 247).

³⁹ Шелов 1972, 234.

⁴⁰ Симоненко 2011, 174.

⁴¹ Ильюков 2011, 122

могиле могли находиться как в продольных стенках входной ямы, так и в двух смежных⁴² и это парные захоронения, а не коллективные, как в нашем случае. При этом, В.П. Глебов подчеркивает для данного региона отсутствие преемственности между представителями раннесарматской и среднесарматских культур⁴³, хотя традиция использования двухкамерных подбоев сохраняется дольше, нежели в Поволжье, откуда она приходит, но в I в. н.э., все-таки угасает.

Если обратить внимание на Центральный и Юго-Западный Крым, то можно наблюдать диаметрально противоположную картину. Начиная с рубежа эр двухкамерные подбои наряду с обычными подбойными погребениями получают достаточно широкое распространение на целой серии некрополей, отождествляемых с позднескифскими и сарматскими культурами⁴⁴. Отчасти такая тенденция объясняется миграцией сарматского населения и их активной интеграцией в этнокультурную жизнь региона⁴⁵. Один из наиболее примечательных двухкамерных подбоев на территории Крымского полуострова был выявлен при раскопках могильника Дружное. Прежде всего, погребение выделялось топографически, выходя за границы основной площади памятника⁴⁶. Как и танаисское погребение, могила 67 из Дружного является коллективным захоронением, где в каждом подбое было уложено по три человека. Однако существенное различие заключается в расположении погребенных: в могиле 67 в обеих камерах захоронение производилось не одновременно, а последовательно. Некоторые костяки были разделены специально просеянной земляной подсыпкой. Подобный элемент фиксируется только на территории могильника Дружное. Наиболее ранние погребения данного комплекса датируются второй четвертью III в. н.э.⁴⁷

Обнаружение двухкамерного подбоя с коллективным захоронением на некрополе Танаиса в совершенно несвойственный для Нижнего Подонья период, побуждает лишний раз обратить внимание на особенности взаимодействия греческого населения Танаиса с варварами в аспектах погребальной культуры. Наблюдаемая искусственная деформация черепа у большинства погребенных в могиле 8, а также конструкция подбойного типа, характерная для представителей сарматской археологической культуры позволяет говорить о принадлежности погребенных к сармато-аланскому населению Танаиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12/2). М.
Алексеева, Е.М. 1982: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12/3). М.
Амброз, А.К. 1966: *Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н.э. - IV в. до н.э.* (САИ Д1–30). М.
Арсентьева, Е.И., Горская, О.В. 2019: *Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции*. СПб.

⁴² Ильюков, Власкин 1992, С. 121–125

⁴³ Глебов 2017, 150–151

⁴⁴ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 110, рис. 4; 122, рис. 13; Труфанов, Стоянова 2023, 17, 43, 78; Журавлев, Фирсов 2007, 234–235.

⁴⁵ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 162.

⁴⁶ Храпунов, Масыкин 1998, 135.

⁴⁷ Храпунов, Масыкин 1998, 146.

- Арсеньева, Т.М. 1977: *Некрополь Танаиса*. М.
- Арсеньева, Т.М., Безуглов, С.И., Толочко, И.В. 2001: *Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.)*. М.
- Безуглов, С.И., Ильяшенко, С.М. 2016: Социальная элита Танаиса во II–III вв. н.э. (культурно-исторический облик). В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.)*. СПб., 181–186.
- Беспалый, Г.Е. 2023: *Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка западного некрополя в 2012 г.*: в 2 тт. Ростов-на-Дону.
- Вдовченко, Е.В., Ильяшенко, С.М. 2016: Древние ограбления некрополя Танаиса (к постановке проблемы). В сб.: Е.Н. Носов (ред.), *Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления*. (Тр. ИИМК РАН 46). СПб., 157–168.
- Глебов, В.П. 2017: Сарматские погребения из кургана 1 могильника у с. Кулешовка. *Нижево-волжский археологический вестник* 16(1), 143–161.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Ч. 1 (Тр. ГИМ 205). М.
- Журавлев, Д.В., 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э.: (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. (МАИЭТ. Suppl. IX). Симферополь.
- Журавлев, Д.В., Фирсов, К.Б. 2007: Новые раскопки могильника Бельбек IV. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь, 233–248.
- Ильюков, Л.С. 2011: Двухкамерные подбои раннесарматской культуры Нижнего Дона. В сб.: *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии* (Материалы и исследования по археологии Юга России 3). Ростов-на-Дону, 104–118.
- Ильюков, Л.С., Власкин, М.В. 1992: *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов на-Дону.
- Кононов, В.Ю. 2023: Металлические гривны сармато-меотского населения Кубани эллинистического и римского периода (IV в. до н.э. – III в. н.э.). *ПИФК* 1, 19–32.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Максимова, М.И. 1950: Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (Раскопки 1938/39 г.). *Вестник государственного музея Грузии* 16-В, 221–274.
- Малашев, В.Ю., Кривошеев, М.В. 2022: Позднесарматские памятники Волго-Уралья. В сб.: Р.Д. Голдина (отв. ред.), *Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов*. Казань, 18–37.
- Неверов, О.Я. 1983: *Геммы античного мира*. М.
- Неверов, О.Я. 2016: Приложение 3. Геммы из могильника Бельбек IV. В кн.: Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Тр. ГИМ 205). М., 197–200.
- Новичихин, А.М. 2009: Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. *ВДИ* 1, 110–118.
- Симошенко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Стоянова, А.А. 2011: Гривны из памятников Крыма сарматского времени. *МАИЭТ XVII*, 116–140.
- Труфанов, А.А. 2007: Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь, 173–186.
- Труфанов, А.А., Стоянова, А.А. 2023: *Некрополь Бельбек IV (исследования 2021 г.)* (Археологические памятники Северного Причерноморья 5). Симферополь.
- Хазанов, А.М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА* 4, 58–72.

- Храпунов, И.Н., Масякин, В.В. 1998: Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму. *РА* 4, 133–149.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А., Мульд, С.А. 2001: Позднескифский могильник у с. Левадки. В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник II*. Симферополь, 105–168.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э.* М.
- Щербакова, В.С. 1980: Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса. В сб.: *Античные традиции и византийские реалии* (Античная древность и средние века 17). Свердловск, 94–103.
- Яценко, С.А. 1987: К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии. *СА* 4, 166–176.
- Яценко, С.А. 2016: Приложение 5. Костюм погребенных в могильнике Бельбек. В кн.: В кн.: Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Тр. ГИМ 205). М., 214–215.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [*Ancient Beads from the North Black Sea Region*] (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12/2). Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1982: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [*Ancient Beads from the North Black Sea Region*] (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12/3). Moscow.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n.e. – IV v. do n.e.* [*Brooches of the South European Part of the USSR of the 2nd Century BC – 4th Century AD*] (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–30). Moscow.
- Arsentyeva, E.I., Gorskaya, O.V. 2019: *Antichnye yuvelirnye izdeliya iz chastnykh sobraniy. Kol'tsa i perstni: katalog kolleksii* [*Ancient Jewellery from Private Collections. Rings: Catalogue of the Collection*]. Saint Petersburg.
- Arsenyeva, T.M. 1977: *Nekropol' Tanaisa* [*The Necropolis of Tanais*]. Moscow.
- Arsenyeva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001: *Nekropol' Tanaisa (raskopki 1981–1995 gg.)* [*The Necropolis of Tanais (Excavations 1981–1995)*]. Moscow.
- Bezuglov, S.I., Ilyashenko, S.M. 2016: Sotsial'naya elita Tanaisa vo II–III vv. n. e. (kul'turno-istoricheskiy oblik) [Social Elite of Tanais during II–III cc. AD]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22–25 noyabrya 2016 g.)* [*Elite of the Bosphorus and the Bosporan Elite Culture. Proceedings of the International Round Table (Saint Petersburg, November 22–25, 2016)*]. Saint Petersburg, 181–186.
- Bespalyu, G.E. 2023: *Nekropol' Tanaisa. Polevye issledovaniya uchastka zapadnogo nekropol'ya v 2012 g.* [*The Necropolis of Tanais. Excavations at the Western Necropolis Site in 2012*]. 2 vols. Rostov-on-Don.
- Glebov, V.P. 2017: Sarmatskie pogrebeniya iz kurgana 1 mogil'nika u s. Kuleshovka [Sarmatian Graves in the Kurgan 1 of the Burial Cemetery near Kuleshovka Village (Excavations 1982)]. *Nizhnevolzhskiy arkhеологический вестник* [*The Lower Volga Archaeological Bulletin*] 16.1, 143–161.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [*The Belbek IV Necropolis of the Roman Period, Southwestern Crimea*]. Pt. 1 (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo Muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow.
- Ilyukov, L.S. 2011: Dvukhkamernye podboi rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Dona [Two-Chambered Undercut Grave of the Lower Don Early Sarmatian culture]. In: *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [*Funeral Rite of the Early Nomads of*

- Eurasia*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and researches on the archeology of the South Russia] 3). Rostov-on-Don, 104–118.
- Ilyukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992: *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha* [Sarmatians between the Sal and Manych Rivers]. Rostov-on-Don.
- Khazanov, A.M. 1963: Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Sarmatian Bronze Mirrors Genesis]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 58–72.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V. 1998: Mogila s dvumya podboyami III v. n.e. iz nekropolya Druzhnoe v Krymu [Tomb with Two Cut Niches dating to the Third Century AD from the Necropolis of Druzhnoye]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 133–149.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A., Mul'd, S.A. 2001: Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Levadki [Late Scythian Cemetery near the Levadki village]. In: Yu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (eds.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection] II. Simferopol, 105–168.
- Kononov, V.Yu. 2023: Metallicheskie grivny sarmato-meotskogo naseleniya Kubani ellinisticheskogo i rimskogo perioda (IV v. do n.e. – III v. n.e.) [Metal Neck-Rings of the Kuban Sarmatian-Maeotian Population in the Hellenistic and Roman Times (the 4th Century BC to the 3rd Century AD)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 19–32.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev.
- Maksimova, M.I. 1950: Gemmy iz nekropolya Mtskhety-Samtavro (Raskopki 1938/39 g.) [Gems from the Necropolis of Mtskheta-Samtavro (Excavations 1938/39)]. *Vestnik Gosudarstvennogo muzeya Gruzii* [Proceedings of the Georgian State Museum] 16–V, 221–274.
- Malashev, V.Yu., Krivosheev, M.V. 2022: Pozdnesarmatskie pamyatniki Volgo-Ural'ya [Late Sarmatian Sites in the Volga-Urals]. In: R.D. Goldina (ed.), *Arkheologiya Volgo-Ural'ya. T. 4. Epokha Velikogo pereseleniya narodov* [Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 4. The Great Migration Period]. Kazan, 18–37.
- Neverov, O.Ya. 1983: *Gemmy antichnogo mira* [Antique Gems]. Moscow.
- Neverov, O.Ya. 2016: Prilozhenie 3. Gemmy iz mogil'nika Bel'bek IV [Appendix 3. Gems from the Belbek IV Necropolis]. In: Gushchina, I.I. Zhuravlev, D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [The Belbek IV Necropolis of the Roman Period, Southwestern Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow, 197–200.
- Novichikhin, A.M. 2009: Yuvelirnye izdeliya iz raskopok nekropolya Gorgippii v 1987 g. [Jewelry from the 1987 excavations at the Necropolis of Gorgippia] *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 1, 110–118.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v III–I vv. do n.e.* [Tanais and the Lower Don in the 3rd–1st cc. BC]. Moscow.
- Shcherbakova, V.S. 1980: Kolleksiya gemm iz nekropolya v okrestnostyakh Khersonesa [Collection of gCms from the Necropolis near Chersonesus]. In: *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii* [Antique Traditions and Byzantine Realities] (Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages] 17). Sverdlovsk, 94–103.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Imports among the Sarmatians of North Pontic Region]. Saint Petersburg.
- Stoyanova, A.A. 2011: Grivny iz pamyatnikov Kryma sarmatskogo vremeni [Neck-Rings from the Crimean Sites from the Sarmatian Period]. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVII, 116–140.
- Trufanov, A.A. 2007: Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogil'nikov Krymskoy Skifii [Mirror-Pendants of the First Centuries AD from the Crimean Scythia Necropoleis]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy* [Ancient Taurica. Papers Presented to T.N. Vysotskaya for Her 80th Birthday]. Simferopol, 173–186.

- Trufanov, A.A., Stoyanova, A.A. 2023: *Nekropol' Bel'bek IV (issledovaniya 2021 g.)* [*The Necropolis of Belbek IV (Excavations 2021)*] (Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya [Archaeological Sites of the Northern Black Sea Region] 5). Simferopol.
- Vdovchenkov, E.V., Iliyashenko, S.M. 2016: Drevnie ogrableniya nekropolya Tanaisa (k postanovke problemy) [Ancient Robberies of the Necropolis of Tanais (Problem Statement)]. In: *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simbolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient Cemeteries and Settlements: Post-Burial Rites, Symbolic Interments, and Grave Plundering]. (Trudy Instituta Istorii Material'noy Kultury [Proceedings of the Institute for History of Material Culture RAS] 46). Saint Petersburg, 157–168.
- Yatsenko, S.A. 1987: K rekonstruktsii zhenskoy plechevoy odezhdy Sarmatii [On the Reconstruction of the Female Shoulder Garments of the Sarmatians]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 166–176.
- Yatsenko, S.A. 2016: Prilozhenie 5. Kostyum pogrebennykh v mogil'nike Bel'bek [Appendix 5. Costume of Buried in the Belbek IV Necropolis]. In: Gushchina, I.I. Zhuravlev, D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [The Belbek IV Necropolis of the Roman Period, Southwestern Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow, 214–215.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I-III vv. n. e.: (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* [Red Slip Pottery of Southwestern Crimea of the First Centuries AD: Based on Materials from the Late Scythian Necropoleis of the Belbek Valley] (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Suppl. IX). Simferopol.
- Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. 2007: Novye raskopki mogil'nika Bel'bek IV [Recent Excavations of the Belbek IV Necropolis]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy* [Ancient Taurica. Papers Presented to T.N. Vysotskaya for Her 80th Birthday]. Simferopol, 233–248.

A SHAFT-BI-CHAMBER GRAVE IN THE TANAIIS NECROPOLIS (2022)

Tatyana V. Egorova¹, Georgiy S. Chebyshev²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: tvegorova@yandex.ru ² E-mail: chebyshev.george0480@gmail.com

In 2022, a team of the Joint Expedition of the Lomonosov Moscow State University and the Southern Federal University discovered a collective Grave 8 in the northern section of the Tanais necropolis. For the region between the Sala and Manych Rivers, it has a unique design in the form of a bi-chamber undercut with parallel rooms oriented along the west-east line. Judging by the inventory, the burial dates back to the second half (possibly the end) of the 2nd – early 3rd century AD. Typologically close burials in the region are known only at the turn of the 1st century BC – 1st century AD. Considering the artificial deformation of the skulls of most of the buried, they can be attributed to the Sarmatian-Alanian population of Tanais of the first centuries AD.

Keywords: Tanais, necropolis of Tanais, Sarmatians, Alans, burial structure